1. 2. 3. 4. Васильев Б. Л., авт. инсц. — Соловьев В.
 5. А зори здесь тихие...
 6. Воронеж — обл. драм. театр им. А. В. Кольцова
 7. реж. — Соловьев В.
 худ. — Брезиснев Е.

СКАЗАТЬ СВОЕ СЛОВО!

Заметки о гастроях в Москве Воронежского
драматического театра имени Алексея Кольцова

В ПРЕДИСЛОВИИ к программам этого театра не без гордости сказано: «Воронежский государственный драматический театр имени Алексея Кольцова в 1972 году завершает 170-й сезон». Не беря под сомнение силу печатного слова, я все же думаю, что здесь что-то не так. Отчего многие наши периферийные театры стремятся вести свою родословную от первых упоминаний в вежностях в состоявшихся в их родном городе представлениях? А что же тогда должен делать нынешний русский театр? Какой сезон он закрывает?.. Я пишу об этом в данном случае еще и потому, что Воронежский театр, как мне показалось, меньше всего похож на 170-летнего почтенного старца. Напротив, он подкупает прежде всего своей завидной юностью. Далеко не все могут предъявить сегодня такую молодежную труппу, сформировавшуюся здесь за последние годы. А уж главный режиссер Г. Дроздов — и вовсе «непростительно» молод, ему еще нет тридцати!

Из восьми привезенных в Москву спектаклей я выбрал четыре: «Человек со стороны», «А зори здесь тихие...», «Иркутская история», «Иванов». Три хорошие пьесы современных авторов и одна классическая. Разве этого недостаточно? Обратите внимание: в репертуаре театра нет ни одного нового для Москвы названия. Как же мог отказаться театр на гастроли в столице, не имея ни одной собственной пьесы? С этой тревожной мыслью отправился я на первый спектакль.

Нет, вероятно, особой нужды напоминать, что впервые мы увидели «Зори» у Ю. Любимова в театре на Таганке. Следом за этим давно уже стал событием не только в искусстве, но и в жизни. Не случайно он выдвинул на соискание Государственной премии СССР. Помимо своей воли, Воронежский театр, показывая в Москве «А зори здесь тихие...», вступил в соревнование. И мог рассчитывать на успех только при условии, если создаст собственный зрелищный повествования. Так оно и вышло. Режиссер и инсценировщик В. Соловьев вместе с художником Е. Брезисневом пересказали не спектакль Ю. Любимова, а повесть В. Васильева. В отличие от любимоковского, сделанного на едином дыхании, в одном действии, этот рассказ отличается особой обстоятельностью и разделен на две части. В нем много подробностей, порою совсем не обязательных, как, например, стриптиз Жельки Комельковой. Зато у воронежцев интонация драматическая и трагическая то и дело перенегаются с комедийными и лирическими, что придает спектаклю особую контрастность и делает еще более жесткой гибель девушек. Нет у В. Соловьева такой концентрации действия, как у Ю. Любимова. Нет и ощущения исключительности обстоятельства. Напротив, это всего лишь один из многих эпизодов войны, ничем особенно от других не отличающийся. Вот и получается, что спектакли эти нельзя сравнивать: они про разное, хотя в основе — все та же повесть.

Снова отправляясь в театр, на этот раз уже с меньшей опаской, хотя «Человек со стороны» в тоже видел впервые не здесь, а в Московском театре на М. Бронной, у А. Эфроса. Пьеса И. Дворецкого прошла широко по стране и вызвала острые споры. В данном случае театр проявляет меньшую самостоятельность, чем в предыдущем спектакле, хотя режиссер Г. Дроздов отбирает в пьесе иногда не те эпизоды, которые привлекали внимание А. Эфроса. Но в целом их концепции совпадают. И взгляд на Чехова, на

его конфликт с окружающими — тоже. Может быть, индивидуальность А. Грачева (Москва) и В. Седова (Воронеж), может быть, едва заметные акценты, только московский Чешков кажется мне человеком более непосредственного темперамента, большей импульсивности. В Воронеже Чешков менее эмоционален. Рационализм помогает ему в борьбе с косностью и в личном горе. Но он же и лишает его возможности обрести право на чувство к Щеголевой. Линия их отношений вообще выстраивается по принципу: была без радости любовь...

13 лет назад впервые вышли на сцену герои «Иркутской истории». Не предстоит ли нам встреча со вчерашним днем? Можно ли еще что-то добавить к тому, что уже сказано? Тем более что я готовился увидеть эту пьесу в 27-м театре. Представьте, что можно. С одной стороны, пьеса смотрится как только что написанная. С другой — как классическая, потому что ты знаешь не только сюжет, но и многие реплики. И только когда театр, желая осовременить в пьесе приметы времени, заставляет Сергея спросить у Валентины: «Ты читала, что сказал Никсон?» — я снова вспомнил, что «Иркутская» была написана давно... Все хорошие театры пересказывали ее по-своему. Воронежский не составил исключения. В спектакле Г. Дроздова многие мысли прозвучали по-новому. А главное, кажется, впервые выяснилось, что не только любовь облагораживает человека, но и ревность, если она от настоящего чувства происходит. Как это случилось с Виктором...

Наконец, «Иванов». Все было бы прекрасно, если бы не этот спектакль. Прежде всего я так и не понял, о чем же он? Кто такой Иванов? Почему он вдруг застрелился? Автор, как известно, видел в Иванове фигуру двойственную. Неужели же вдруг выяснилось, что прав доктор Львов? И Иванов — всего-навсего рядовой мошенник, который сперва наезжает на приданое Анны, а затем, не получив его, начинает хлопотать о новом?

Нельзя сказать, что режиссер Г. Дроздов так уж совсем ничего не придумал. Но выдумка его, по-моему, шла не в ту сторону. Скажем, вместе с художником Н. Гапоновой они нашли в доме Иванова кресло, которое все время падает. И люстру — у Лебедевых, что до самого финала скрипела, а после выстрела не выдержала и рухнула, напугав час. Вероятно, это должно символизировать распад дворянских гнезд?

Четыре спектакля, несмотря на сказанное об «Иванове», все же всеяют в меня оптимизм. Может быть, даже хорошо, что еще не все оказывается по силам? Ведь Чехов же все-таки! К нему нужен особый подход, настроенность всего театра, уверенность в необходимости встречи именно с ним, а не с другим классиком. Наконец, нужны актеры, которые бы говорили на одном языке: все ансамбля чеховские пьесы играть немиссимо.

Среди тех, кого мне довелось увидеть, хотелось бы назвать Н. Ефимова, Р. Мануковскую, Б. Крачковского, В. Соколова, Р. Кириллова, Ю. Веригина, И. Мысковку, И. Дубинского, А. Гладнева, В. Седова, А. Ильина, Л. Митлинову, Н. Гуцал, Т. Павлову, Е. Смирнову, Ю. Платонову, Т. Краснополяскую, В. Ширченко, И. Чижикова. Хотя здесь перечислены актеры разных поколений, они, по-моему, составляют единый ансамбль, что очень важно для дальнейшей жизни театра, который хочет сказать свое слово.

Б. ПОУРОВСКИЙ.